

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

ДЕСАНТНИК

Из будущего – в бой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т22

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Таругин, Олег Витальевич.

Т22 Десантник. Из будущего — в бой! / Олег Таругин. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-85099-0

«С неба — в бой!» — сержант разведроты ВДВ верен этому девизу Воздушно-десантных войск даже в далеком прошлом.

«Из будущего — в бой!» — заброшенный в 1941 год, наш современник не раздумывая открывает огонь по гитлеровцам.

«Никто, кроме нас!» — когда Красная Армия истекает кровью под ударами Вермахта, когда в воздухе господствуют асы Люфтваффе, дороги забиты разгромленными колоннами советской техники, а немецкие танковые клинья прут на восток — ДЕСАНТНИК из будущего стоит насмерть. Ведь даже один боец способен изменить ход истории!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Таругин О., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

ISBN 978-5-699-85099-0

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события в определенной степени выдуманы и не имеют ничего общего с событиями реальной истории. Действующие лица романа также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (**forum.amahrov.ru**). Отдельная благодарность Борису Каминскому (Синицыну), Борису Батыршину, Александру Кулькину, Константину Щелкову, Александру Шуракову, Евгению Попову, Дмитрию Беспомесных за конструктивную критику и помощь в работе над книгой. Спасибо большое, друзья!

ПРОЛОГ

Немцы пристрелялись на третьем снаряде и дальше лупили уже прицельно и с завидным постоянством. Фугасы падали каждые несколько секунд, необходимых гитлеровским артиллеристам на перезарядку, тяжело сотрясая землю, и каждый новый взрыв отзывался в груди неприятным еканьем внутреннего акустического удара. Слух Леха практически потерял после первого же близкого разрыва, но так оказалось даже лучше: уж больно муторно слышать журчание очередного падающего снаряда, летящего, казалось, прямо в тебя. Окопы и стрелковые ячейки рубежа обороны густо затянуло дымно-пыльным маревом. Метрах в ста правее что-то чадно горело, выбрасывая вверх столб перебитого дымом жаркого пламени, видимо, фугас угодил в один из укрытых в капонирах легких танков. Стенки пулеметной ячейки дрожали, осыпаясь вниз ручейками иссушенной солнцем глины; порой по спинам сжавшихся в комочки на дне людей болезненно колотили выдранные тротилом комья земли. Дышать было трудно, ноздри забивала пыль и воняющий тухлой кислотной дым сгоревшей взрывчатки. Сколько времени продол-

жался артналет, он не знал — разумом Степанов понимал, что всего несколько минут, однако подсознание отчаянно вопило, что он ошибается и этот огненный кошмар длится уже долгие часы.

Очередная стопятимиллиметровая граната, судя по ощущениям, разорвалась совсем близко — утрамбованная подошвами ботинок земля особенно сильно подбросила лежащих бойцов, сползший с бруствера пласт глины тяжело привалил ноги от колен и ниже, а на спину вылинявшей до белизны гимнастерки и летного комбеза щедро сыпануло мелкими комьями. Где-то по самому краешку сознания скользнула паническая мысль: «Вот завалит сейчас на фиг, и все, приехали, если и найдут, то поисковики лет через семьдесят. И ведь не опознают, как опознать, если у него даже смертного медальона нет. Так и будет числиться пропавшим без вести что в этом времени, что в родном будущем. Зато уж как их мобильник и китайский светодиодный фонарик среди костей удивят, не то слово». Однако по-настоящему испугаться ни Леха, ни летун не успели: обстрел закончился. Внезапно наступившая тишина оказалась, как описывалось подобное в читанных в юности книгах «про войну», поистине звенящей: аж оглохшие уши заломило, словно в резко снижающемся самолете. Смотри-ка, не ввали, стало быть, писатели! Очень даже похоже, реально так звенит, словно новогодняя петарда рядом бахнула или взрывпакет в замкнутом помещении рванул.

Алексей потряс короткостриженной головой и приподнялся на локтях. Подтянул колени, выс-

вобождая ноги. Со спины стекали потоки осыпавшейся сверху земли, и в заполненном пылью и дымом окопчике сразу стало трудно дышать. Десантник тяжело сел, привалившись спиной к стене, и стянул с гудящей головы пыльную каску, окрасившуюся в светло-коричневый глинистый цвет. Рядом зашевелился, поднимаясь на карачки, Борисов. Живой, стало быть, отлично. Блин, даже сил радоваться, что уцелели, нет! Несколько секунд товарищи просто сидели, очумело хлопая глазами и не веря, что все закончилось, затем мучительно закашлялись, сплевывая под ноги вязкую коричневую слюну. Вот же дерьмо! Когда-то Леха слышал, что нет ничего страшнее, чем попасть под минометный обстрел. Ну, хрен его знает, может, оно и так, но в артиллерийском налете тоже ничего хорошего нет, теперь он в этом абсолютно уверен. И сравнивать, что хуже, а что лучше, он — тьфу-тьфу — не собирается.

С трудом расстегнув непослушными пальцами тугую пуговку, парень вытянул из чехла фляжку. Открутить крышечку удалось с третьей попытки — руки ходили ходуном, алюминиевое горлышко стучало по зубам, проливая воду на подбородок и грудь. Сделав наконец несколько глотков теплой, пахнувшей флягой воды, Леха протянул емкость товарищу, наткнувшись взглядом на Васькину винтовку. Трехлинейка стояла там, где летун ее и оставил перед началом обстрела, — под стеной ячейки. Блин, если пылюка в ствол набилась, а она просто не могла не набиться, стрелять из нее сейчас — чистое самоубийство. Это только в кино герои лихо воюют

оружием, где даже на камеру виден напрочь забитый землей ствол, а в реальности или глаз лишишься, или ленивых пальчиков, не потрудившихся оружие вычистить. Да и затвор неслабо запорошило, все одно чистить нужно, «треха», конечно, оружие надежное, но не до такой же степени, все ж таки не старый добрый «калашников», которому пыль глубоко пофиг. А когда этим заниматься, спрашивается, если фрицы вот-вот попрут? Как-то он это совсем из внимания упустил, нужно было приглядеть за товарищем, пехотинец из пилота пока что аховый. Хорошо, хоть пулемет догадался трофейной плащ-палаткой укрыть. Кстати, где он?

Ухватившись за край присыпанной глиной камуфлированной ткани, Степанов поднял ее, стараясь не сильно пылить. Бегло осмотрел «эмгэ» — ну, тут все в порядке, пулемет как новенький, можно стрелять. Вернувшись на место, пихнул в бок Борисова:

— Ты как, летун? Живой?

— Живой, — громко сообщил тот, зачем-то растирая ладонями уши. — Слышу только плохо.

— Так я ж тебе говорил, дурень, уши ладонями зажми, а рот раскрой пошире. Ты зачем руками каску обхватывал? Думал, это от осколка защитит? Или боялся, что краску поцарапает и некрасивым похоронят?

— Леша, ну ты ж обещал поменьше шутить? — скривился тот. — Снова начинаешь?

— Молчу-молчу, поскольку вину свою осознал всецело и... ну, короче, просто осознал и ужасно раскаиваюсь. Как говорят хранцузы, миль вам

пardon с кисточкой. Ладно, харе сидеть, помоги пулемет установить. И лопатку откопай, вон там она где-то, бруствер подправим.

Вдвоем установили и снарядили «МГ-34». Комбат не обманул, среди трофеев нашлась коробка с лентой на двести пятьдесят патронов, так что на первое время боеприпасы имеются. Плюс еще тот короб, что он у мотоциклистов затрофеил, считай, еще полсотни патронов. Ну, вроде все, можно воевать.

— Степанов! Борисов! — прорвался сквозь ватную глухоту голос ротного, голова которого спустя миг показалась над окопчиком. — Оглушило, что ль, бойцы? Я ору-ору... уж думал, того, накрыло или землей завалило. Приполз вот глянуть.

— Целы мы, тарщ лейтенант! — жизнерадостно проорал Леха.

— Ладно, не ори, сам вижу, что оглушило. Уже и пулемет установили? Ай, молодцы! Борисов, это еще что такое?! Ты как за личным оружием смотришь? Под трибунал захотел? А ну винтовкой займись, вся запылилась, немцы вот-вот в атаку пойдут! И это, не дрейфьте, бойцы, прорвемся! Командование обещало, что одних не оставит, так что будет подкрепление, обязательно будет. Нам главное — германца сейчас задержать, пока резерв подойдет, а там уж и погоним гадов обратно! Все, бывайте, пойду остальных обойду, кого успею. — Голова лейтенанта скрылась за насыпью. Леха горько усмехнулся: «погоним гадов», как же! Нет, погнать-то погоним, разумеется, это без вариантов, вот только отнюдь не

сейчас. Правда, ротному об этом знать не нужно, еще обвинит в пораженческих настроениях.

Тяжело вздохнув, бывший сержант российских воздушно-десантных войск Алексей Степанов, ныне числящийся «сержантом Алексеем Степановым, обученным, документы утеряны в ходе боевых действий», кивнул товарищу на запорошенную рыжеватой пылью винтовку. О том, что на чистку оружия Василию может просто не хватить времени, отпущенного немецкими командирами до начала атаки, он старался не думать вовсе. Да и толку-то от «трехи», коль танки попрут? Даже ежели бронебойно-зажигательными лупить? Разве что по щелям и смотровым приборам целиться.

Скорчив страдальческую гримасу, летун потянулся к трехлинейке. А вот не нужно морщиться, сам виноват! Мучайся теперь.

— Ладно, Вась. — Слух понемногу возвращался, и уже можно было не орать. — Брось ты свой дрын, пользы от него в нашей ситуации. Потом почистишь, коль время останется. Гранатами лучше займись, как раз на одну связку хватит, как лейтенант и говорил. Только покрепче приматывай, видел, как я с немецкими делал? Держи бечевку.

Благодарно взглянув на товарища, Борисов с готовностью отставил в сторону винтовку и разложил перед собой выданные ротным «РГ-33». Открутив от трех гранат рукоятки, он коряво, но крепко примотал их шнуром от трофейной масксети к четвертой, с запалом. Потряс получившейся связкой, убеждаясь, что в броске она

не развалится, и вопросительно взглянул на бывшего десантника.

— Нормально, — хмыкнул Степанов. — Не первый сорт, но сойдет. Как пользоваться, помнишь?

— Обижает, — вскинулся Василий.

— Повторение — мать учения! — наставительным тоном сообщил Леха, делая соответствующее моменту выражение лица. Не рассказывать же летуну, что подобные гранаты он только в музее и кино видел и понятия не имеет, как ими пользоваться. — Давай рассказывай матчасть.

— Ладно... В настоящий момент граната снаряжена запалом и готова к бою. Для метания и взрыва необходимо перевести предохранительный движок влево до упора, сделать энергичный замах, чтобы произошло срабатывание ударно-предохранительного механизма, и бросить в цель. — Василий определенно цитировал по памяти какое-то наставление или методичку. Ну, да, разумеется, куда родной армии без этого! На том и стоим!

— А если невозможно сделать этот самый, как ты там сказал? Энергичный замах?

— Тогда можно либо сильно встряхнуть гранату, метнув в цель после накола капсуля-воспламенителя, либо установить при приведении в боевое положение и взведении внешнюю трубку в среднее положение.

Поскольку Леха понятия не имел, что это еще за такая «внешняя трубка» и за каким, собственно, фигом ее нужно ставить в «среднее положе-

ние», он поспешил свернуть разговор. Блин, ну зачем такие сложности? Ведь есть же у предков старая добрая «эфка», неужто сложно изобрести еще что-нибудь вроде надежной, как топор, «РГД-5»?! На аэродроме он даже с фрицевской «колотушкой» быстрее разобрался... правда, там инструкция имелась. Да уж, с таким знанием местной матчасти хрен он до конца боя доживет! Наматает их Гудериан на гусеницы и не заметит. И дальше поперет, падла. А ведь как хорошо все начиналось! И аэродром разгромили, и ценного штабиста в плен взяли, и к нашим на трофейном самолете с триумфом, можно сказать, прилетели! И вот вам здрасьги: размажут их по этой глине в кровавую кашу, и все. Может, нужно было и на самом деле в тыл двигать, как комбат и предлагал?

«Так, а ну успокойся! — одернул он себя, мысленно выматерившись. — Чего разнылся-то? Подумаешь, полежал полчаса под артобстрелом. Сам же решил с бойцами остаться, едва «батю» уломал, под трибунал подставив, а теперь что, на попятную? Никогда трусом не был, так и сейчас не становись! Ты ж десантник, лучшим бойцом разведроты числился! А бывшей десантуры не бывает! «Никто, кроме нас», забыл?»

Самовнушение не помогло, поскольку внезапно проснувшийся внутренний голос скептически хмыкнул в ответ откуда-то из глубин подсознания:

«Ну, да, конечно, именно что «подумаешь»! В армейской учебке всех, разумеется, в обязательном порядке обучали правилам поведения

под артиллерийским обстрелом из полевых гаубиц! И на полигоне обкатку проводили, в условиях, сука, максимально приближенным к боевым! А заодно учили, как отражать атаку немецкой пехоты при поддержке бронетехники, ага!»

В это мгновение Степанову стало неимоверно стыдно — настолько, что он снова выругался, на сей раз в голос. Борисов, все-таки занявшийся чисткой оружия, удивленно взглянул на товарища, ожесточенно дергающего ни в чем не повинный пулемет:

— Леш, ты чего? Палец зашиб? Когда ты показывал, как ленту менять, я тоже едва кожу не защемил, очень уж там защелка хитрая.

— Нормально все, Вася. Нервы просто.

— Это да... — философски протянул летчик. — Сам никак не отойду, больно все быстро закрутилось. А знаешь...

Докончить фразу он не успел: со стороны немецких позиций взвилась, предвещая начало атаки, красная ракета. Спустя минуту глухо зарокотали десятки моторов, раздались приглушенные расстоянием выстрелы танковых пушек. Куцые султаны разрывов вставали далеко в стороне от рубежа обороны: целей в поднятом недавним артаналетом пыльном мареве наводчики не видели, лупили просто так, ради устрашения...